

РОН ПОЛБОРН

ИДЕОЛОГИЯ И СУБЪЕКТ

**ПАРАДОКСЫ ОЧЕВИДНОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ**

18+

Рон Полборн

Идеология и субъект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41678527

SelfPub; 2019

Аннотация

Сейчас не модно говорить об идеологии. Однако, чем дольше не говорить об идеологии или всячески ее критиковать, тем неожиданнее и революционнее она себя проявит. Может быть, стоит попытаться понять, что значит идеология для конкретного человека, как она для него формируется и кто управляет – человек своей идеологией или она им? Трудно сказать, кем в этом случае становится человек – пассивной жертвой или активным создателем собственного «я», субъектом или объектом идеологии, ее исполнителем или сознательным деятелем, воплощающим самого себя.

Содержание

Идеология субъекта ...	6
1. ... идеология?	7
2. ... идеологическая концепция?	11
3. ... постоянство?	15
4. ... содержание его идеологии?	17
5. ... идей-ценностей?	21
6. ... идеологической матрицей?	26
7. ... идею-идеал; мечту-утопию?	34
8. ... сцеплены?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ПАРАДОКСЫ ОЧЕВИДНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого.

А.Пушкин

Я начал жить, а не дышать.

В.Дмитриев

Нынче трудно говорить об идеологии. И куда труднее утверждать ее необходимость. Значительно проще разоблачать, развенчивать и бороться против всякой идеологии, стыдливо умалчивая, что и это тоже идеология.

Ничто не может оправдать подобную политическую моду. То, что большинство «объелось» идеологией, то, что оно устало от нее, лишь отчасти объясняет избранный элитой курс на изъятие из сознания этого большинства какой-либо идеологии. Однако в попытке найти новые и наиболее эффективные приемы управления большинством элита, в конечном итоге, натолкнется на неожиданное для нее самой идеологическое сопротивление большинства, сопротивление, к которому элита не будет готова и которое непременно

но приведет к смене этой самой элиты.

*Совесть (устаревшее) – это ...
из новых словарей*

Идеология субъекта ...

«Я» – это мое осознание самого себя. Т.е. постоянный процесс трансформации результатов восприятия в образы этого воспринимаемого. Образы, становящиеся и продуктом, и предметом моего сознания.

П.Сэлфинг

Основной вопрос современности: «Ну и что?»

Основной ответ: «Ничего».

П.Сэлфинг

С рождения каждый погружается в мир предлагаемых идей. Это невозможно избежать. Когда-то эти идеи могут стать собственностью субъекта, который лишь иногда задумывается: что же такое

1. ... идеология?

Идеология – идея – идеал – идол...

Нет ничего нелепее философствующего раба.

П.Сэлфинг

Надо признать – все мы «плаваем» в «идеологическом бульоне», который, якобы более научно, иногда называют «идеологическое пространство, пространство идей». Можно и как то по-иному обозначить все те идеи, которые всем нам постоянно предлагаются, а чаще навязываются, в невероятном количестве. Эти идеи могут быть закамуфлированы под традиции, правила и нормы поведения. Но «витают в воздухе» и совершенно невероятные предложения, претендующие на то, чтобы стать ответами на вопросы о том, что есть смысл жизни, как жить и т.п.

Впрочем, большинство уверено – все это никакая не идеология. А идеология это нечто такое, что «указует и направляет», регламентирует то, что хорошо, а что плохо, то, к чему следует стремиться, каким образом нужно оценивать происходящее и т.п. И потому всякая идеология воспринимается большинством как нечто внешнее, то, что выдвигается государством, партией, некой организацией или какими-то там философами в качестве объяснения и, одновременно, как программа действий. В результате такого «понимания»,

идеология восприниматься как то, что ограничивает так называемую личную свободу, реализацию желаний и неизбывное стремление к комфортному существованию.

*Комфорт (для большинства) – максимальная определенность, достоверность и безопасность.
из словарей*

Впрочем, большинство в очередной раз ошибается. Оно принимает предлагаемую совокупность, а при определенном развитии и систему, идей-представлений за идеологию. В то время, как это всего лишь одна из многих возможных идеологических моделей-концепций. И куда важнее всех этих идеологических концепций идеи самого субъекта, т.к. только они объясняют ему его существование, обосновывая-оправдывая и «сообщая» ему «смысл его жизни», в повседневности становясь добровольно-принудительными регуляторами его поведения, мышления и деятельности. Именно его собственные идеи-представления и являются подлинной идеологией.

Не считая себя носителем какой-то там идеологии, субъект в действительности пронизан ею, хотя все его идеи являются всего лишь представлениями, т.е. общими, порой неясными, скорее мнениями о том, как и что надо делать, как относится к тому или иному явлению и т.п. Все это не имело бы никакого значения, если бы не одна важная деталь. Идея

и идеология управляют субъектом даже тогда, когда и идеи, и идеология, и управление скрыты от него.

«Странность» идеологии субъекта в том, что идеи, ее образующие, суммируясь, постепенно становятся для него некой довлеющей над ним объективностью. Если желания, интересы, потребности для субъекта всегда его собственные и только его собственные, то идеи, одновременно, и его и не его, и у него и у других. Идеология субъекта как бы отстраняется от него, приобретает особое качество – субъект начинает считать, что его идеология и есть та самая, что ни на есть, объективная реальность, обладающая свойством абсолютной истины.

В конечном итоге, чтобы там ни говорили об идеологии, признает ее субъект или нет, она выступает для него единственной реальной оппозицией бессмысленности и смерти, ибо только идеология отвечает субъекту на его вопросы – «Кто виноват?, Что делать?, Зачем?». Задав эти вопросы и ответив на них, субъект претендует на то, чтобы считать себя человеком, а, может быть, даже личностью, до конца не осознавая, что этим он включается в бесконечный поиск все новых ответов на те же самые вопросы.

Всякий ответ оборачивается ложью.

Д. Эмерсон

Итак, идеология субъекта это совокупность его представ-

лений, взглядов, идей, отношений к самому себе и окружающим, к тому, как и зачем он существует.

ТОЛЬКО

поставив перед собой вопросы и найдя на них ответы, субъект, пусть и на миг, ощущает себя человеком, правда так и остается в неведении о том, что же такое

2. ... идеологическая концепция?

Все великие схемы разума...внедрились в массы ...лишь в искаженном виде, ценой их крайней деформации.

Ж.Бодрийяр

Человек не может существовать без самовнушения, самозапугивания и самоуправления.

П.Сэлфинг

И совсем иное дело – идеологическая концепция, т.е. кем-то и когда-то разработанная совокупность (система) идей, предлагаемая каждому в качестве, так сказать, руководства к действию. Впрочем, никто не готов к тому, чтобы такие, казалось бы, обоснованно изложенные концепции полностью принять как некое наставление – как надо жить, что следует – что не следует делать, как поступать, что хорошо – что плохо и т.п. В лучшем случае, субъект что-то запомнит на некоторое время, но, скорее всего, пройдет мимо, удивившись лишь на миг.

И в этом основное отличие идеологической концепции от идеологии субъекта – идеологическая концепция всегда внешняя, чужая, чаще чуждая. И потому не способная руководить совокупность идей-представлений.

«бок о бок с письменным кодексом существует живая традиция, обладающая силой толковать письменный кодекс, добавлять к нему и даже временами изменять его или игнорировать (если это необходимо в изменившихся обстоятельствах) делая это с властью».

Мишина

Всякая, возникнувшая, как реакция на формирующуюся ситуацию, нарождающаяся идеологическая концепция для большинства еще не актуальна. Она пока не отвечает на будничные вопросы этого большинства. Но развитие ситуации, пусть и с опозданием, сопровождает и развитие идеологической концепции, объяснительные возможности которой неизменно возрастают. И когда-то она оказывается способной предлагать свои ответы на вопросы: *«Кто виноват?»*, а потом, несколько позже, – *«Что делать?»*, которые субъект, весьма охотно, включает в свою идеологию.

Правда, это не делает идеологию субъекта идентичной идеологической концепции. Если и есть их единство, то оно в ... наличии одних и тех же вопросов. Это принципиально отличает знание от идеологии. Знание пытается определить: *«Что?»*, *«Почему?»*, *«Как?»*, а идеология субъекта и идеологическая концепция – *«Кто виноват?, Что делать?, Зачем?»*. И потому знание дает, пусть и на какое-то время, единые для большинства ответы, а идеология – ответы, которые каждый

трансформирует для самого себя, что и отличает его от всех остальных.

Какие бы знания не лежали в основании идеологической концепции, какие бы ответы она не предлагала субъекту, эта концепция сможет стать лишь частью его идеологии, и то, только после, так сказать, «личного освидетельствования», когда субъект соотносит предлагаемые ответы со своими представлениями, жизненным опытом и т.п. Тот, кто разрабатывает идеологическую концепцию, вовсе не стремится осчастливливать всех остальных. Он отличается от других своей способностью эти вопросы задавать и находить ответы, которые, доведенные до уровня системы, предлагаются всем. А свойство любой идеологической концепции, какой бы «дикой» она не казалась, состоит в том, что она обязательно находит своих сторонников, которые «несут ее в массы».

Пройдя через сознание большинства, овладев им, идеологическая концепция способна стать основой унифицированных моделей поведения для этого большинства. И только в этом качестве такая идеологическая концепция становится идеологией социума. И, несмотря на ее персонификацию, когда она имеет своего автора, а каждый, разделяющий те или иные ее положения, превращается в ее соавтора, такая идеология существует вполне автономно. Мало того, она начинает сама искать свои «жертвы».

Это только звучит странно. Однако, в действительности,

в содержание каждой идеологии встроены элементы, способные захватить внимание кого-то из большинства. Такими элементами выступают готовые ответы. И каждый такой ответ указывает: кто виноват, что следует делать, и зачем это надо делать.

Итак, каждый вступая в жизнь, встречается с многочисленными идеологическими концепциями, идеологиями других, которые предлагают ему свое «понимание» существования.

ТАК,

разработанная кем-то ради удовлетворения собственного любопытства идеологическая концепция может стать частью идеологии субъекта, чтобы затем превратиться в идеологию социума, только потому, что она отвечает на вопросы большинства – зачем?, кто виноват? и что делать?

Впрочем, можно ли понять полную бессмысленность этих вопросов и предлагаемых ответов, если увидеть их

3. ... ПОСТОЯНСТВО?

Субъект овладевает идеей только после того, как она уже обладает им.

П.Сэлфинг

Удивительно, но никакая идеологическая концепция так и не смогла дать однозначный, всех устраивающий ответ на какой-либо из ее вопросов. Может быть поэтому, большинство так и не знает, зачем оно существует. Каждая идеологическая концепция дает свои ответы, которые «крутятся» в каком-то замкнутом, не нами созданном, но нам завещанном, пространстве одних и тех же идей-ценностей – добро-зло, справедливость, честь, достоинство и т.п. При этом всякое изменение ситуации существования вызывает к жизни новую концепцию, которая всего лишь предлагает свои новые ответы. Правда, они не доказывают собственной необходимости.

Ни одна идея не доказала собственной необходимости.

П.Сэлфинг

Любая идеологическая концепция, как бы долго она не доминировала, остается всего лишь гипотезой. Правда, в начале своего доминирования большинству кажется, что нако-

нец-то найдены окончательные ответы на «вечные вопросы». На этом этапе большинство эти ответы принимает «как руководство к действию», чтобы затем ... отказаться от них в поисках иных рецептов. Именно в этот момент, большинство «прозревает», задаваясь вопросом – «*Зачем вообще нужна какая-то идеология?*», а сами идеи кажутся лишь «игрой ума», некой абстракцией, которые существуют ради самодовольствования любопытства тех, кто когда-то задумался о смысле своего существования. И тогда эти самоудовлетворяющиеся оказываются виновными во всем, и в том числе в накатившем на большинство разочаровании.

Итак, идеология субъекта не есть что-то абсолютно постоянное и неизменное. Она способна изменяться, приспособляясь к меняющимся условиям существования.

И ПОТОМУ

субъект либо сам ищет ответы на свои вопросы, либо цепляется за те рецепты, которые у него уже есть, либо опирается на то, что ему предлагают.

А может быть в результате и определяются

4. ... содержание его идеологии?

Сократ ... различал между тем, что он понимал и тем, чего он не понимал.

И.Г.Гаманн

*Интересно, когда и почему возникает
«бесплодие умственного тупика»?*

В.Шекспир

Видимо, многие когда-то оказывались в ситуации, когда не понимаешь, что происходит, что следует делать и как относиться к своему существованию. «Распадается» связь между, казалось бы, непреложными истинами, утрачивается определенность и ориентиры поведения. Ориентиры, которые, только что являлись непреложной истиной, критериями оценки и всего происходящего, и самого себя, определяя поведение.

Наличие таких идеологических ориентиров поведения делает идеологию субъекта странным, мерцающим явлением, когда она кажется совершенно понятной, но уже в следующий момент вдруг куда-то исчезает, разрушаясь от неожиданно изменившихся условий. Может показаться, что у большинства вообще нет никакой идеологии, а есть некий, весьма аморфный, набор, произвольно и хаотично, сиюминутно

изменяемого, доминирования тех или иных идей.

Но, в действительности, идеология субъекта всегда содержит базовые и вторичные элементы. Правда, в обычной, так сказать, рядовой ситуации трудно определить, что для субъекта является базовым, а что вторичным. Более того, всегда возможно изменение, переоценка субъектом всех своих идей, когда он на том или ином этапе своего существования пересматривает содержание своей идеологии и доминирование в ней тех или иных ценностей.

Принято считать базовыми элементами все то, что имеет, так сказать, «природное» происхождение, т.е. связано с оценкой субъектом самого себя – совесть, честь, достоинство, справедливость, ответственность и т.п. В то время, как вторичные элементы идеологии субъекта это отношение к окружающим и той действительности, в которой он существует. Это понимание субъектом честности, верности данному слову, порядочности, надежности и т.п.

*Первое впечатление слишком озадачило меня, а
размышление еще не вступило в свои права.*

С.Кьеркегор

И все же следует признать, такое подразделение весьма относительно и на практике реально не работает. Содержание идеологии субъекта всегда и только ситуативно. Но и здесь надо сделать оговорку. Это не объективная, а субъективная

ситуативность, когда содержание идеологии, доминирование в ней тех или иных идей определяется той оценкой, которую ей дает сам субъект. Например, он может считать ситуацию опасной и при такой оценке могут доминировать одни его идеи-ценности, а может расценивать ее как вполне «нормальную», и тогда включаются другие идеи-ценности. В первом случае субъект будет убегать, а во втором продолжать «нормально» существовать. И то, и другое поведение вполне укладывается в рамки его идеологии. А уж объяснение-оправдание своего поведения субъект всегда сможет подобрать из той же своей идеологии.

Рефлексия – способность мышления субъекта познавать самого себя...
из словарей

Итак, идеология субъекта не есть просто механическая совокупность его представлений, взглядов, убеждений и т.п., а набор его идей-ценностей, т.е. тех идей, которые он не просто не хочет утратить, но которыми он дорожит как ценностью, тем, что для него многое значит.

ПОЭТОМУ ТОЛЬКО

базовыми элементами идеологии субъекта не определяется его поведение. Ибо оно ситуативно и обусловлено оценками субъекта сложившейся ситуации.

Может быть, идеология субъекта и есть совокупность

5. ... идей-ценностей?

Примирение с самим собой – восстановление веры в то, что все, что ты делаешь и как делаешь тождественно тебе самому, есть твое, и в этом ты сам.

П. Сэлфинг

Было бы ошибкой считать, что все идеи для субъекта одинаково значимы. Несомненно, что какие-то из них значимы всегда или, по крайней мере, достаточно длительный срок, другие приобретают значимость, чтобы через некоторое время ее утратить, а третьи всего лишь некий информационный шум и практически никак не учитываются субъектом, ...несмотря на то, что он их декларирует именно как «свои ценности». Но есть и идеи, которые не утрачивают своей значимости, не пересматриваются, и они-то и составляют своеобразную идеологическую капсулу в идеологии субъекта. Их и можно назвать базовыми идеями субъекта.

Ценность – значимость, важность... связана с – возмездие, месть, наказание...; порицать, каяться...; раскаяние, покаяние ...; беречь...

из словарей

Впрочем, стоит оговориться. Эти базовые идеи могут быть «спящими» и «бодрствующими», т.к. и их влияние на поведение субъекта определяется конкретными условиями ситуации, что вовсе не отрицает их значимости. Правда сам субъект чаще всего даже не догадывается о каких-то там базовых идеях-ценностях, содержание которых он не способен раскрыть. Мало того, чаще всего субъект готов декларировать некие «свои» идеи, которым он, так сказать, «служит», хотя он всего лишь повторяет то, что в данный момент наиболее популярно или же внушено ему социумом. Именно их он называет своими главными идеями, в действительности руководствуясь совсем иными ценностями.

И все же базовые элементы идеологии субъекта «работают» постоянно. Именно они являются критериями тех оценок, которые субъект, помимо своей воли, дает всему, что как-то связано с его существованием. Чаще всего это те самые оценки «хорошо-плохо», «добро-зло» и т.п., на базе которых принимается решение или делается выбор.

И еще. Базовые идеи-ценности становятся основой всех моделей его поведения, причем каждая модель основывается на взаимосвязи этих идей-ценностей, которые отражают его причинно-следственные отношения с действительностью. Крайне редко встречаются ситуации, когда только одна из базовых идей определяет поведение субъекта. И даже тогда, когда субъект вычленяет какую-либо идею, которой он якобы руководствовался совершая тот или иной поступок,

то, скорее всего, он либо искренне заблуждается, либо пытается «понятно» объяснить свое поведение.

Нельзя служить только одной идее.

П.Сэлфинг

Впрочем, ничего странного в этом нет, если учесть, что субъект в привычной ситуации никогда не воспринимает и не относится к своим идеям, как к идеям. Точно также он не рассматривает их как некие ценности. Субъект просто живет в их пространстве, не обращая на них никакого внимания и не придавая им особого значения. Они настолько его собственность, настолько часть его существования, что становятся привычным и ничего не значащим элементом принятия решения.

Мало того, он никогда не воспринимает свои идеи-ценности как результат восприятия, оценки и понимания действительности. А если и обращается к ним, то считает их данностью, к которой он не имеет никакого отношения. И потому субъект не видит в своих идеях-ценностях самого себя.

Это кажется странным. Казалось бы, это вообще не возможно, т.к. идеология субъекта, а ее идеи-ценности тем более, сформированы им самим. Ведь он «пропустил» их через себя, т.е. выразил себя в этих идеях-ценностях. И субъект вроде бы об этом знает. Но происходит удивительная метаморфоза – как только субъект «овладел» идеей, он переста-

ет ее «видеть» и тем более ассоциировать ее с самим собой. И лишь иногда эта идея может трансформироваться в некую идею-идеал.

Однако это не означает, что идеи-ценности субъекта куда-то исчезают. Они работают, позволяя субъекту, через каждую из его идей-ценностей, «видеть», а, на самом деле, просто оценивать реалии окружающего мира. Именно эти оценки субъект обычно и называет «пониманием» мира.

Впрочем, ничего иного большинство и не желает. Большинству необходима определенность и уверенность – оно «знает» почему и зачем оно что-то делает, а «зная» это, убеждает себя в истинности того, что творит. И все это становится для большинства объективной реальностью, делая идеологию жизненно необходимой составляющей существования.

Твоя свобода это безразличие к тебе всех остальных.
П.Сэлфинг

Итак, идеологией субъекта становятся только те идеи-ценности, которые превратились для него в критерии оценки самого себя, окружающих и условий существования, после чего они превращаются в ориентиры его поведения.

ТАК

идея-ценность, своим содержанием отражая действительность, становится критерием оценки этой действительности.

тельности.

Но, может быть, идеи-ценности определяют поведение субъекта только тогда, когда становятся

6. ... идеологической матрицей?

Мировоззрение – средство и результат индивидуальной интерпретации смыслов.

П. Сэлфинг

Матрица – карта поведения, а смысл - главное направление движения по этой карте.

П. Сэлфинг

Каждая ситуация предлагает некий набор вариантов поведения. Так, находясь на морском пляже, можно купаться, а можно просто загорать или заниматься чем-то иным, как бы запрограммированным самим пребыванием в этом месте. И даже в этом существует некая идеология поведения – идеология отдыха на берегу моря. Большинству ничего и не надо определять – просто принять эту идеологию и вести себя в соответствии с тем или иным поведенческим стереотипом.

Всякий поведенческий стереотип соответствует своей идеологии, образуя идеологическую матрицу поведения, в основе которой лежит набор базовых идей-ценностей, которые предлагаются субъекту самой ситуацией. Причем субъект может принять эту матрицу только вместе с заложенными в ней идеями-ценностями, которым он должен неукоснительно следовать. Это только кажется, что идеологическая

матрица поведения есть всего лишь набор правил, «правила игры». В действительности, идеологическая матрица поведения целиком и полностью идеология, которой приходится следовать даже тогда, когда видишь и другие возможные варианты поведения в данной ситуации. Но большинство все же выбирает именно такую матрицу, т.к. именно она чаще всего и соответствует его идеям-ценностям.

*Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
...без лишних слов
Сказал, что он **всегда готов**.
А.С.Пушкин*

Отличие идеологической матрицы в том, что она никак не связана с немедленной реализацией каких-то материальных, физиологических желаний и устремлений субъекта, которые в абсолютном большинстве случаев лишь кажутся регуляторами его поведения. Более того, большинство уверено – никакой идеологической матрица вовсе не существует. Но в действительности, так называемые правила поведения как раз и выступают наглядным проявлением тех самых идей-ценностей, которые и составляют идеологическую матрицу. То, как субъект работает, отдыхает, ведет себя дома или в общественных местах определяется не его потребностями или

физиологическими соблазнами, а теми идеями-ценностями, которые он считает для себя значимыми и которые поэтому он не может не исполнять.

В этом особое свойство идеологической матрицы – она не просто определяет те или иные поступки в конкретной жизненной ситуации. Она предлагает субъекту смысл его существования – жить в соответствии со своей идеологией, воплощаясь через реализацию идеологической матрицы поведения. Только в этом случае большинство может уверенно заявлять – Я хорошо, я правильно живу!

При всей очевидной чудовищности уничтожения советских евреев на оккупированной территории, исполнители были убеждены в справедливости и обоснованности своих действий, не сомневаясь в их необходимости. Это были их идеи-ценности, которые были основой подобных идеологических матриц поведения.

Идеологические матрицы поведения всегда предлагаются теми идеологическими концепциями, которые в данный момент доминируют в социуме. Однако это не означает, что подобная матрица непременно станет матрицей субъекта. Иногда он вынужден механически ее исполнять, пытаясь не думать о том, что и почему делает. И тогда это превращается в поведенческий ритуал, когда, например, субъект встает при исполнении гимна страны, не испытывая ни к стране, ни к гимну никакого уважения.

Особенности идеологической матрицы предлагаемой идеологической концепцией.

1. Всякая идеологическая концепция непременно предлагает всем свои идеологические матрицы поведения, так сказать, на все случаи жизни.

2. Доминирующая идеологическая концепция требует обязательного исполнения поведения в рамках своих матриц.

3. Неподчинение этому требованию преследуется и наказывается в рамках от осуждения до лишения свободы и даже жизни.

4. При этом идеологическая матрица максимально освобождается от необходимости какого-либо обоснования, постепенно превращаясь в ритуал.

5. Но, в действительности, всякая идеологическая матрица всегда жестко и последовательно соответствует идеологической концепции.

6. Всякая новая идеологическая матрица в максимальной степени ориентирована на уже существующие и зарекомендовавшие себя ритуалы и правила поведения. Но главным требованием этой ориентации остается максимальная включенность субъекта в ее исполнение.

7. Любая идеологическая матрица связывает субъекта с группой (организацией, союзом, сообществом, партией и т.п.) благодаря коллективному ее исполнению, которое целенаправленно «обрабатывает» субъекта, доводя его до состо-

нения «единения» с группой, унифицируя уже не только его поведение, но и образ мысли. Этому помогает то, что все собравшиеся ощущают себя равноправными, единомыслящими, нацеленными на достижение общей цели, открытыми, братски настроенными друг к другу. По крайней мере, им так кажется. Это еще более «убеждает» большинство в истинности идеологической матрицы.

8. Организованное коллективное исполнение идеологической матрицы поведения формирует ощущение защищенности, безопасности, уверенность в «своей правде», устраняет необходимость думать и принимать решение. Коллективное исполнение вынуждает субъекта отказаться от своей идеологической матрицы, обезличивает его и делает своей собственностью. Подчинившись, субъект уже следует этой «обобщенной» матрицы поведения, а группа, вольно или невольно, признается им в качестве единственного носителя подлинных идей-ценностей. Большинство неспособно противостоять коллективному исполнению идеологической матрицы поведения, покорно соглашаясь стать частью группы и ее идеологии. После этого, член группы утрачивает собственную идеологию, становясь субъектом ее идеологии.

9. Взамен получая возможность ощущать себя частью избранных.

10. Однако довольно скоро такая идеологическая матрица непременно превращается в формальность, вызывающую лишь скуку, затем усталость, апатию, безразличие, иро-

нию, потом скрытый, а впоследствии откровенный саботаж и протест. Это отношение постепенно распространяется и на идеи-ценности, являющиеся основой идеологической матрицы. Ритуалом становится не только коллективное исполнение идеологической матрицы поведения, но и демонстрация приверженности к ее идеям-ценностям.

11. Парадоксально, но именно в этот период ритуализации идеологической матрицы, члены группы ощущают свое наибольшее могущество и независимость над ситуацией и обстоятельствами. Они убеждены в своей полной «защищенности» от чуждого идеологического воздействия, уверены в истинности того, что делают, фактически превращаясь в идеологических рабов доминирующей идеологической концепции.

12. Так исполнение идеологической матрицы поведения подменяет понимание идей-ценностей, когда только эта матрица и ее исполнение воспринимается субъектом в качестве его собственной идеологии. Парадоксально, но именно в этот момент только ритуал исполнения и предлагает все оценки – все, что в рамках ритуала, верно, хорошо и т.п. Все остальное ложно. Коллективное исполнение идеологической матрицы поведения заставляет субъекта забыть, что идеология не может быть обобществлена, а идеи-ценности могут быть только частной, индивидуальной собственностью, принадлежащей ... сознанию субъекта.

13. Коллективное исполнение идеологической матрицы

поведения вовсе не гарантирует готовность субъекта всегда действовать в соответствии с этими идеями-ценностями. Причем изменять им он может не только в экстремальных ситуациях. Вне коллективного исполнения субъект действует в ... собственных интересах, при этом вполне осознавая, что изменяет неким идеям-ценностям. Просто ему это выгодно, в то время, как в рамках коллективного исполнения, он порой вынужден действовать вопреки своей выгоде, принуждаемый к демонстрации своей преданности. Его собственные идеи-ценности «ждут» своей реализации, что особенно наглядно проявляется в период разложения доминирующей идеологии.

Возникающее противоречие между вынужденным коллективным исполнением идеологической матрицы поведения и собственными, не демонстрируемыми идеями-ценностями, приводит к неизбежному разрушению смысла существования, что переживается субъектом болезненно и приводит его в конечном итоге к личностной деградации.

Смысл – то, ради чего стоит жить.

П.Сэлфинг

Итак,

ТАК

принятая к исполнению идеологическая матрица поведе-

*ния лишает субъекта собственной идеологии. Но, может
быть, взамен он получает*

7. ... идею-идеал; мечту-утопию?

*Знание – не всегда понимание,
но понимание – всегда знание.*

П.Сэлфинг

*Тенденция к замкнутости (...)
присуща человеческой природе; в этом
смысле она есть судьба.*

Л.Штраус

При определенном усилии субъект может идею превратить в идеал. Это звучит, по крайней мере, странно. Большинство никогда не согласится с мыслью о том, что кто-то сознательно и целенаправленно прикладывает усилия для того, чтобы идею превратить в идеал, т.е. то, что чисто, светло, увлекательно, замечательно и т.п., но увы не достижимо. И все же это так.

Дело в том, что превращение идеи-ценности в идеал, во-первых, возможно, во-вторых, достаточно дешево, и, в-третьих, весьма рационально. А попросту выгодно. Причем, как для большинства, так и для тех, кто этим большинством пытаются управлять. В отличие от идеи и особенно идеи-ценности, которая, регламентируя поведение субъекта, образует для него коридор возможного, идеал ... можно игнориро-

вать. Идеалом гордятся, любят, к нему можно стремиться, о нем можно рассуждать и т.п. Но заранее зная о его недостижимости, большинство именно всем этим и ограничивается, как «светом далекой звезды». Большинство превращает идеал в виртуальную реальность, которая лишь украшает существование, причем не требуя каких-то особых усилий для своего воплощения.

Правда кажется непереносимой.

П.Сэлфинг

Возможность такой трансформации определяется тем, что представители большинства не понимают, а зачастую и вовсе не знают, ни своей идеологии, ни идей-ценностей, которыми они руководствуются. В лучшем случае у субъекта есть некое представление о каких-то там морально-этических ориентирах, о том, что такое хорошо-плохо, добро-зло и т.п. Мало того, истинность этого «понимания» мало кого волнует и сама эта «истинность» определяется соответствием «понимания» личному опыту и результатам наблюдений за другими.

Если об этом сказать субъекту, то, скорее всего, он отнесется к этому совершенно спокойно. Ведь он почти никогда не задает себе вопрос «*Почему?*» что-то произошло, «*Почему?*» получен такой, а не какой-то иной, результат. Обычно он ограничивается вопросами – «*Кто виноват?*», затем –

«Что делать?», и потом, может быть – «Зачем?».

Идея комфорта любой ценой предлагается нам как высшее благо, возвращая мышление в тупик крайнего рационализма.

П. Сэлфинг

Идея, превращаясь в идеал, утрачивает, причем безвозвратно, основные свои функции. Идеал уже не определяет поведение субъекта – ведь идеал не достижим, хотя и сохраняет некоторое влияние. Кроме того, идеал уже не рассматривается как истина или заблуждение. Для субъекта он просто есть или его просто нет. Если он есть, то субъект верит в него, а если нет, то, как минимум, не думает о нем. При этом для субъекта совершенно неважно насколько тот или иной идеал соответствует объективной реальности, как он соотносится с возможностями его воплощения. Субъект поглощен либо грандиозностью, либо красотой, либо перспективами, либо... созданного им идеала и он не хочет, а иногда и боится, думать о его реалистичности. Вполне достаточно переживать предвкушение от возможного обладания этим идеалом. И вот уже идеал оторвался от идеи, зажил собственной функциональной жизнью, наполнился фантазиями и созерцательностью.

Происходя из идеи, сохраняя почти все ее содержание, идеал становится мечтой. Вначале такой трансформации

субъект никак не соглашается с недостижимостью идеала, утешаясь и наслаждаясь предвкушением от будущего обладания этим идеалом-мечтой. В этот период идеал не оставляет субъекта ни при каких условиях, даже под жестким пресингом объективной реальности, под давлением массы аргументов, которые сообщаются ему доброхотами-друзьями, которые не могут успокоиться, пока рядом с ними существует человек обладающей идеалом. Все это завершается либо определенным обесцениванием идеала, который становится все более далеким и недостижимым, либо переходом идеала в ... ту идеологическую концепцию, которую разрабатывает субъект и для себя, и для других.

Второй вариант встречается достаточно редко и представляет любопытный сценарий формирования идеологической концепции. При этом субъект, обладая набором идей-идеалов соединенных единым устремлением ко «всеобщему благу», способен развить эти идеи-идеалы в собственную идеологическую концепцию. И если ему это удастся, или кажется, что удастся, субъект, почти непременно, захочет не просто поделиться ею с другими, а сделать этих других своими соратниками-единомышленниками. Зачастую, субъект буквально одержим этим. Более того, у него формируется уверенность – он обязан-должен отдать ее всем остальным, тем самым обогатив содержание их существования, как будто окружающие всю жизнь только и мечтали о таком подарке.

Спасибо, Пух, – сказал ослик Иа. – У меня уже есть один подарочек.

А.Милн

Устоять против вручения такого «подарочка» мало кто может. И вот уже субъект, движимый благими намерениями, предлагает всем свою идеологическую концепцию о том, как следует жить, кого считать врагами и для чего следует существовать. Кого-то все это убеждает, кого-то соблазняет, кого-то прельщает, но большинство так и остается безразличным.

То, примет ли социум новую идеологическую концепцию или нет, определяется степенью ее утопичности, т.е. тем, сочтет ли большинство предлагаемые идеи-идеалы для себя значимыми и насколько реальными для исполнения они ему покажутся. Утопичность идеи-идеала как раз и определяется соотношением ее значимости и реальности исполнения, причем большая утопичность идеи-идеала особенно привлекает большинство, позволяя погружаться в мечту о прекрасном будущем, ради которого можно ничего не делать, лишь иногда наслаждаясь переживанием этой мечты.

И не важно, верит большинство в нее или нет. Более того, многие могут даже принять участие в воплощении этой идеи-мечты. Главное в другом – они так никогда и не смогут считать эту идею-идеал-мечту своей. Она для них остается чужой и чуждой, тем, что не может быть включено в их

собственную идеологию. Поэтому такой «подарочек» большинство всегда отвергает, т. к. принятие этого дара вынуждает к неперемennomu изменению своей идеологической матрицы поведения. А для этого от субъекта потребуются совсем немного – всего лишь предать свои собственные, уже существующие идеи-ценности.

Для большинства такое предательство не просто измена самому себе. В принципе большинство готово, если надо, совершить любое предательство. Но это не только утрата веры в истинность своих идей-ценностей. Для субъекта это предательство означает признание своих ошибок и, главное, лишения себя ... свободы. Дело в том, что субъект считает – он сам сформировал эти идеи, сам нашел доказательства их истинности, сам скомбинировал из них свою идеологию и именно в этой самости он и видит гарантию своей свободы. И пусть это всего лишь иллюзия, но он никак не хочет от нее отказываться.

Но вот если предлагаемая идеологическая концепция становится доминирующей в социуме, то большинство готово демонстрировать ей свою приверженность, но, на самом деле, не этой концепции, а социуму. После этого представителю большинства уже все равно, истинна эта концепция или нет, утопична или реалистична. Демонстрация приверженности позволяет жить своей жизнью и решать свои собственные задачи.

Не существует такой идеологической программы, которая бы гарантировала победу на выборах.

П.Сэлфинг

Сам автор-владелец идеи-идеала никогда не считает ее утопией. Утопия – это оценка идеи-идеала, которую дают окружающие. И даже не потому, что они верят или не верят в возможность ее реализации. Они не хотят верить, т.к. вера потребует хотя бы какого-то усилия по ее достижению. Впрочем, и сам автор-владелец в абсолютном большинстве случаев оставляет свою идею-идеал как потенцию, как возможность, практически не пытаясь ее осуществить. Но иногда бывает и по-другому, и тогда он становится жертвой-исполнителем, фанатиком, поглощенным этим воплощением. Он вступает на путь терроризма-самопожертвования, сопровождающегося поглощением всех остальных идей-ценностей, их подчинением этому самопожертвованию.

Утопией может быть названа любая идеологическая концепция, любая идеология субъекта и любая идея-ценность. Так и делают те, кто не согласен или не способен понять и принять или участвовать в реализации этих идеологических установок поведения. Идеей-утопией «становится» и та идея, которую по каким-то причинам не удалось реализовать в полной мере. Но в любом случае признание идеи утопией всего лишь оценка, оценка, которая в большей мере отражает

того, кто дает эту оценку, его взгляды, представления, убеждения и его способность действовать.

Эта оценка может стать оценкой социума в том случае, если социум не способен в данный момент понять и принять предлагаемую ему идею или же он так и не сумел ее реализовать. А потому такая оценка скорее является диагнозом идеологического состояния социума, его открытости и толерантности. Об этом, в частности, говорит и то, что социум способен возвращаться к, казалось бы, уже однажды отвергнутым идеям, которые когда-то были признаны утопичными. И всякий раз, обращаясь к невоплощенным идеям, большинство вновь делает их своими ценностями, переводит их в мечту, которая кажется вполне реальной, желаемой, логичной и обоснованной. И вновь все повторяется – идея оказывается не воплотимой, вновь ищутся причины этого невоплощения, которые, обычно, связываются с особенностями времени и места (не готовностью социума, субъектов, их необразованностью и т.п.). Но сама идея от этого не становится менее притягательной, просто ее реализация откладывается на будущее, которое когда-то обязательно наступит, когда можно будет увидеть *«небо в алмазах...»* (А.Чехов)

Участвуя в так называемом «преобразовании» идеи в идеал, затем в мечту и, наконец, в утопию, субъект, сам того не осознавая, наталкивается на присущее ему непонимание идеи. Оказывается, что он только ее знает, знает о ней са-

мой и что-то о ее содержании. И этого ему достаточно. Все остальное он делает сам – наполняет содержание этой идеи своим собственными представлениями и домыслами, испытывая при этом вполне позитивные эмоции. В результате он удовлетворяется этим своим собственным, пусть и доморощенным, «пониманием» идеи, знанием, камуфлирующем непонимание.

Впрочем, даже знание идеи, т.е. то, как она формируется, как воздействует и управляет и т.п., вовсе не означает ее понимание. Это знание способно лишь создавать иллюзию понимания, иллюзию, которая обязательно наполняется эмоциональным отношением субъекта к этому знанию. Знание лишь открывает возможность для субъекта понять идею, сделать ее своей. Не поняв идею и ограничившись лишь ее знанием, субъект оказывается в полушаге от превращения идеи в идеал, в этот заверченный образ желаемого. Но дальше субъект может сделать еще один шаг – не добившись этого идеала, он будет готов перейти от абсолютной веры в него к его поруганию или признанию его как утопии, когда он *«из факта, что чего-то не произошло, заключает о его невозможности»*. (А.Пятигорский)

Итак, в ряде случаев идеология субъекта приобретает характер мечты, которая окружающими зачастую воспринимается как утопия, но субъект способен добиваться ее реализации превращаясь в фанатика своей идеи-мечты.

ТАКОЕ

превращение идеи возможно и тогда, когда она никак не воплощается, хотя бы отчасти. Может быть потому, что в идеологии все идеи-ценности

8. ... сцеплены?

Заложенная в идее способность к воплощению, определяет ее актуальную истинность, т.е. правду субъекта.

П.Сэлфинг

Большинство не заботится о своей идеологии. Не создает и не разрабатывает ее. Не защищает и не борется за ее существование. И это только кажется, что субъект отстаивает собственные убеждения. Когда он сталкивается с многочисленными соблазнами и пытается их преодолеть, это не есть отстаивание своих идей-ценностей, а сопротивляется этим соблазнам.

Впрочем, на самом деле никаких соблазнов вне человека просто не существует. Все они всего лишь проявление самого человека, того, что ему не хватает, о чем он мечтает и т.д. Субъект ведет постоянную схватку, нет, не с идеологией, а с самим собой, со своим внутренним противником. Этим внутренним противником является он сам, т.е. либо его стремление быть «как все», либо быть не таким, как все остальные.

Но какое же удивление испытывает субъект, когда пытается реализовать это стремление, т.к. это требует либо изменения либо своих идей-ценностей, либо отказа от тех идей-

ценностей, которые предлагает ему социум. Например, для того, что бы стать не таким как все, он должен отказаться хотя бы от части идей-ценностей большинства, презреть их, доказав, как минимум, их несостоятельность. И он тут же убеждается, что это сделать он не может, так как все идеи-ценности связаны, сцеплены друг с другом, образуя некую систему. Субъект, вдруг, с изумлением убеждается, что идеология, в которую он «погружен», обладает механизмами самозащиты, в основе которых лежит как раз сцепление идей-ценностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.